

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2026. № 1 (90). С. 25–34.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2026; 1 (90):25–34.

Научная статья

УДК 94(47).072.5:94(930)«18»

DOI 10.37724/RSU.2026.90.1.002

Долг, честь и бесценный опыт: Русская кампания 1812 года в прусских полковых историях XIX века¹

Алена Игоревна Голотина

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

alena.golotina@mail.ru

Аннотация. В состав Великой армии, с которой Наполеон в 1812 году вторгся в Россию, входили воинские контингенты многих немецких государств. Свои войска отправили государства Рейнского союза, такие как Баварское королевство, Королевство Саксония и Королевство Вюртемберг, а также Прусское королевство и Австрийская империя, не входившие в Рейнский союз. Среди этих государств особый интерес по ряду причин представляет Пруссия. Во-первых, большая часть прусского корпуса вернулась из России. Сохранившиеся воспоминания стали основой для устойчивых представлений об этой кампании. Во-вторых, большое значение имела дальнейшая роль Пруссии как центра движения за освобождение Германии от французского господства в рамках Освободительных войн 1813–1815 годов. В дальнейшем именно этот период в немецкой исторической памяти закрепится в качестве ключевой вехи становления национального самосознания. В-третьих, реализация малогерманского варианта объединения Германии усилила влияние прусской исторической памяти на формирование общенемецких представлений о событиях начала XIX века. В связи с этим особую ценность в рамках формирования общенемецких представлений о Русской кампании 1812 года имеют именно прусские нарративы.

В статье на основе историй отдельных полков Прусского королевства, а затем и Германской империи, делается попытка анализа образа Русской кампании 1812 года, в XIX веке сложившегося в Пруссии. Исследованы особенности восприятия этого похода прусскими военными, выделены основные темы, которые остались в памяти участников похода в Россию, и повторяющиеся тезисы. Рассмотрено восприятие причин участия прусского военного контингента в походе и оценка его итогов. Выявлены устойчивые нарративы, связанные с этим эпизодом немецкой военной истории.

Ключевые слова: Пруссия, Русская кампания 1812 года, отступление Великой армии, Наполеон, историческая память, полковая история.

Для цитирования: Голотина А. И. Долг, честь и бесценный опыт: Русская кампания 1812 года в прусских полковых историях XIX века // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2026. № 1 (90). С. 25–34. DOI: 10.37724/RSU.2026.90.1.002.

Original article

Duty, honor, and invaluable experience: the Russian campaign of 1812 in Prussian regimental history books of the 19th century

Alena I. Golotina

Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia

alena.golotina@mail.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект 25-28-00125 «Русская кампания Наполеона: “великое отступление”».

Abstract. Napoleon's Grande Armée that invaded Russia in 1812 included military contingents from many German states. Troops were sent by states of the Rhine Confederation, such as the Kingdom of Bavaria, the Kingdom of Saxony and the Kingdom of Württemberg, as well as by the Kingdom of Prussia and the Austrian Empire, (the latter states were not members of the Confederation). Among these states, Prussia is of particular interest for a number of reasons. Firstly, a large part of those Prussian corps made their way home from Russia. The survivors' memoirs became the basis for many enduring ideas about this campaign. Secondly, Prussia's subsequent role as the center of the movement for the liberation of Germany from French rule in the Liberation Wars of 1813–1815 was of great importance. In the future, this period would be entrenched in German historical memory as a key milestone in the formation of national self-awareness. Thirdly, the implementation of the Lesser Germany variant of German unification increased the influence of Prussian historical memory on the formation of common German ideas about the events of the early 19th century. In this regard, the Prussian narratives are of particular value for the formation of common German ideas about the Russian campaign of 1812.

Based on the histories of individual regiments of the Kingdom of Prussia, and then of the German Empire, the article attempts to analyze the image of the Russian campaign of 1812 that developed in Prussia in the 19th century. It looks into the perception of this campaign by the Prussian military, highlighting the main themes that persisted in the memory of the campaign's participants and the recurring conclusions. The perception of the reasons for the participation of the Prussian military contingent in the campaign and the assessment of its results are considered. Many narratives associated with this episode of German military history tend to reappear across various sources.

Keywords: Prussia, Russian campaign of 1812, retreat of the Grand Army, Napoleon, historical memory, regimental history.

For citation: Golotina A. I. Duty, honor, and invaluable experience: the Russian campaign of 1812 in Prussian regimental history books of the 19th century. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, 2026; 1 (90):25–34. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2026.90.1.002.

Введение

«Славные успехи в Освободительной войне отодвинули на задний план воспоминания о походе в Россию» [Lossow, 1901, S. 377], — писал в 1901 году автор истории Гренадерского полка «Король Фридрих I». Эти слова характеризуют то место, которое Русская кампания 1812 года занимала в немецкой исторической памяти в XIX веке — первый этап освобождения Германии от Наполеона и начало падения французского императора. Однако события 1813–1815 годов, в частности Битва народов под Лейпцигом, для немецкого национального сознания были более значительными, несмотря на то, что для участников кампании 1812 года, их сослуживцев и преемников поход в Россию стал важной частью личной истории.

Вместе с тем относительная вторичность этой темы в немецком общественном дискурсе повлияла на научные исследования. Немецкоязычная историография, посвященная 1812 году, не столь многочисленна, как труды, призванные осветить отдельные аспекты Освободительных войн 1813–1815 годов. Этот «катастрофический провал беспрецедентной военной кампании» [цит. по: Scharf, 2013, S. 186] и сегодня рано или поздно сводится к событиям 1813 года. Можно найти работы общего плана [см.: Kühn, 2014] или исследования, в которых начальной хронологической точкой, от которой до Ватерлоо широко раскидывается время Освободительных войн, становится Бородино [см.: Bretsch, 2013]. Отдельные исследования существуют и в российской историографии [см.: Ростиславлева, 2012 ; Даценко, 2013 ; Сдвижков, 2015]. Однако немецкий взгляд на события Русской кампании, если и находится в центре научных исследований, часто имеет описательный, а не проблемный характер. По этой причине научный интерес представляет исследование восприятия данной части истории отдельными категориями немецкого общества.

Полковые истории, избранные в качестве основного источника исследования, представляют интерес в связи с рядом факторов. Во-первых, эти тексты создавались преимущественно офицерами, служившими в том полку, историю которого они описывали, что давало авторам возможность поработать с непосредственными участниками событий или обратиться к внутренним документам. Во-вторых, тексты писались для того, чтобы увековечить подвиги полка, рассказать о трудностях, с которым он столкнулся, и о наиболее важных членах полкового братства. Таким образом, историческая память о тех или иных событиях сознательно и бессознательно конструировалась в угоду более привлекательному имиджу полка. В-третьих, эти труды являлись отражением памяти узкой категории людей: офицеров, связанных с полком по долгу службы или благодаря родственным и иным связям.

Так, этот источник не может быть избран для репрезентации взглядов всего немецкого общества XIX века. В то же время его ограниченность позволяет рассмотреть тот дискурс вокруг Русской кампании, который сложился в среде, где это историческое событие пользовалось наибольшим интересом — в военных кругах. В дальнейшем именно память военных стала основой формирования представлений о Русской кампании в немецком общественном сознании.

Основная часть

Многие авторы полковых историй становятся участниками Русской кампании уже в начале 1812 года, с момента заключения соглашения с Францией. Согласно принятым на себя в рамках этого союза обязательствам прусский король Фридрих Вильгельм III должен был предоставить в распоряжение французского императора прусский военный контингент численностью более 20 тыс. человек [см.: Tyszka, 1837, S. 268–269], продовольствие [см.: Fröbing, 1842, S. 12] и ряд крепостей, таких как Шпандау [см.: Busse, 1859, S. 3] и Пиллау [Fröbing, 1842, S. 13–14]. Авторы, описывая этот союз, отмечали, что для Пруссии, политически обязанной «принять участие в великой драме, которую безграничные амбиции Наполеона вот-вот должны были разыграть в Восточной Европе» [цит. по: Conrady, 1857, S. 138], он был тяжелым и вынужденным [см.: Goltz, 1841, S. 16 ; Ardenne, 1874, S. 293 ; Jung, 1896, S. 211 ; Lossow, 1901, S. 346].

В качестве причин начала новой военной кампании Наполеона авторы называли ряд русско-французских противоречий. Однако общий консенсус заключался в том, что пруссаки шли на эту войну не по своей воле. «У нее [Пруссии] не было выбора, к какой партии присоединиться, поскольку ее положение вынуждало ее следовать необходимости, а не собственным желаниям» [Fröbing, 1842, S. 11–12], — отмечал автор истории одного из полков ландвера. Автор истории одного из артиллерийских полков, описывая состояние страны в 1812 году, прибег к следующей метафоре: «Пруссия рисковала быть раздавленной в столкновении двух гигантов. Она должна была встать на сторону одного из них» [Beutner, 1889, S. 109].

Независимо от времени написания полковых историй общий прусский нарратив всех описаний похода в Россию в 1812 году включал в себя три аспекта. Во-первых, тезис о явном нежелании пруссаков участвовать в походе и воевать против бывших союзников. Так, автор истории Первого драгунского полка описывал инцидент, который, по его словам, наиболее ярко характеризовал настроение прусских войск во время этой кампании. Во время одного из столкновений с русскими войсками пруссаки вспомнили, что на этот день приходились именины российского императора, и начали кричать русским: «Виват, Александр!» [см.: Tyszka, 1837, S. 280].

Вторым важным аспектом было осознание долга перед королем, который приказал отправиться в поход. Один из авторов отмечал, что прусские войска сражались «вопреки своим субъективным убеждениям, исключительно из преданности и повиновения воле своего короля» [Dziengel, 1858, S. 275]. Другой автор приводил слова одного из офицеров гусарского полка «фон Цитен», который не только хотел продемонстрировать, на что способно прусское оружие, но и шел на войну из-за «высокого солдатского чувства долга, которое гласит: “Куда бы ни поставил меня мой король, я буду стоять всем сердцем”» [Ardenne, 1874, S. 296]. Между тем, хотя долг был выполнен полностью [см.: Tyszka, 1837, S. 294], боль и гнев от его исполнения на протяжении долгого времени закрепились в исторической памяти прусских военных [см.: Dziengel, 1858, S. 277].

В-третьих, для прусских описаний Русской кампании в XIX веке был характерен постоянный акцент на сохранении чести прусских войск и желании доказать силу и храбрость даже в период неудач. В одной из ранних полковых историй автор, описывавший в том числе и личный опыт участия в этой военной кампании, писал о прусских войсках, что «их храбрость, порядок и выносливость, сиявшая так же ярко, как их гуманность по отношению к пленным и вражеским подданным, стала прекрасным примером» [Probst, 1829, S. 67–68]. «Для нас это было делом чести», — описывал одно из закончившихся успехом столкновений с русскими войсками автор истории Пятого гусарского полка, — «...русские не могли быть нашими врагами, но солдат не имеет права сомневаться или спорить» [Schoening, 1843, S. 436].

Однако, несмотря на схожие настроения перед началом похода, прусские войска, принявшие участие в Русской кампании 1812 года, получили различный опыт. Полки уходили на войну не в полном составе. Так, в Бранденбургском уланском полку этот жребий вытянули

3-й и 4-й эскадроны [см.: Goltz, 1841, S. 16]. В то же время принявшие участие в кампании прусские войска не представляли из себя единого корпуса, а были разделены на неравные две части. Основные прусские силы под командованием генерала Ю. фон Граверта и сменившего его генерала Л. фон Йорка вошли в состав 10-го корпуса маршала Э. Макдональда, действовавшего в Курляндии [см.: Lange, 1857, S. 33]. Отдельные воинские подразделения, такие как Сводный уланский полк, состоявший из двух эскадронов Бранденбургского полка и двух эскадронов Силезского полка, стали частью основной армии Наполеона.

Великая армия

«Под гнетущим, душным, почти безоблачным небом, 24 июня, когда армия начала войну, переправившись через Неман, разразилась мощная гроза. С неистовыми порывами ветра и яростью она обрушила свои молнии на наши ряды» [Schoening, 1843, S. 410], — описывал переход Великой армии через российскую границу автор истории Пятого гусарского полка. Этот эпизод со схожими оценками повторялся и в истории Третьего уланского полка [см.: Goltz, 1841, S. 19], и в истории гусарского полка «фон Зитен» [см.: Ardenne, 1874, S. 298–299]. Во всех описаниях неожиданная гроза являлась предзнаменованием несчастья для французской армии, явным свидетельством божьей воли.

Другим общим местом для прусских описаний похода Великой армии в Россию стало постоянное упоминание о некомпетентности французов. «Неумение французов ухаживать за лошадьми, их лень, плохая езда верхом и нерадивость офицеров уже привели к тому, что многие их лошади были сильно покалечены» [Ardenne, 1874, S. 302–303], — писал автор истории гусарского полка «фон Зитен», одновременно подчеркивая, что в прусском полку не было ни одной больной лошади. Другой автор упоминал о дурном примере, который французские кирасиры подавали окружающим, позволяя своим лошадям безнадзорно пастись на полях, что послужило одной из причин огромных потерь уже в первые дни войны [см.: Schoening, 1843, S. 411].

Однако уже в начале похода более важной стала проблема продовольствия и связанная с этим несправедливость по отношению к прусским войскам. Так, автор истории Третьего уланского полка отмечал, что нехватка продовольствия чувствовалась уже по прибытии Великой армии в Вильно: «Каждый брал, что находил, где мог, и жил, как мог» [Goltz, 1841, S. 21]. Французские генералы часто совершали тактические ошибки [см.: Schoening, 1843, S. 420], фуража и продовольствия не хватало еще до Бородинского сражения [см.: Dziengel, 1858, S. 284], а французские интенданты отдавали приоритет при распределении продовольствия французским же частям [см.: Ardenne, 1874, S. 300 ; Jung, 1896, S. 213]. Помимо голода один из авторов упоминал и жару, которая вызывала такие болезни, как дизентерия и тиф, из-за чего уже в начале похода «Великая армия таяла, как снежный ком на весеннем солнце» [Ardenne, 1874, S. 315].

Остались в полковых историях и воспоминания о взятии Москвы, более яркие и подробные, чем описание Бородинского сражения. Так, Сводный гусарский полк, который к тому моменту сократился с четырех эскадронов до двух, после занятия Москвы встал биваком на дороге на Владимир [см.: Goltz, 1841, S. 39], а Пятый гусарский полк стоял на дороге на Казань [см.: Schoening, 1843, S. 430–431]. Неподалеку, по воспоминаниям участников этого похода, располагались силы неприятеля. Русские офицеры посещали прусский бивак, делились продовольствием, но вскоре эти отношения «стали подозрительными для французских генералов, которые, вероятно, чувствовали, насколько теплее пруссаки настроены в этой неудачной кампании к русским, чем к французам, и поэтому запретили их» [цит. по: Goltz, 1841, S. 39]. Встречались и описания неподобающего поведения французов, которые грабили город вместо того, чтобы тушить пожары [см.: Ibid., S. 41].

Наиболее трагичной частью в описании кампании 1812 года стали подробные рассказы об отступлении Великой армии. Холод, начавший усиливаться с конца октября, голод и постоянные потери сопровождали армию Наполеона. Прусские полковые истории свидетельствовали о том, что солдаты ели лошадей, поскольку стада скота, следовавшие за армией, вскоре были истреблены [см.: Goltz, 1841, S. 51]. Дорога, по которой шли солдаты, была забита телами людей и лошадей и умирающими, «которые вздыхали в отчаянии, но не вызвали жалости у своих проходящих товарищей» [цит. по: Ibid., S. 52]. «Тысячи падали, лишь немногие поднимались» [Dziengel, 1858, S. 301], — цитировал автор истории Второго уланского полка дневник одного из участников этого похода.

Однако сохранились и положительные воспоминания об отступлении. «Нет ничего более необходимого для армии в час нужды и опасности, чем оставаться в рамках дисциплины и субординации» [Goltz, 1841, S. 52], — писал автор истории Третьего уланского полка. Он подчеркивал, что пруссаки, в отличие от французов, проявили сплоченность, которая не только сохранила им жизнь, но и предотвратила разложение их рядов. Автор другой истории, описывая действия командира одного из подразделений, отмечал, что, «несмотря на дурной пример неповиновения, ежедневно подаваемый многочисленными беспорядочными отрядами некогда столь гордой армии, ему удалось сплотить своих людей и добыть для них самое необходимое продовольствие» [Jung, 1896, S. 223]. Однако, по замечанию одного из авторов, во время отступления нельзя было говорить об истории полка как цельной боевой единицы [см.: Ardenne, 1874, S. 337].

Тезис о полной дезорганизации полковой структуры справедлив и для последнего эпизода существования Великой армии, связанного с переправой через реку Березину. Прусские полковые истории сохранили отдельные сюжеты, отражавшие восприятие тех военных, чьи воспоминания были использованы для описания переправы. Так, интендант Денхардт и улан Зенгер из Третьего уланского полка, лишенные своих лошадей, были вынуждены идти вдоль реки, «чтобы найти место вдали от шума, где река была самой узкой и, следовательно, ее было легче всего переплыть» [цит. по: Goltz, 1841, S. 57–58]. В одиночку они бы замерзли в воде от холода, если бы их не заметили французы с другого берега и не помогли бы им. Автор истории одного из полков полевой артиллерии писал, что порядок при переправе через Березину был невозможен в принципе. Люди оказались в давке, последние остатки обоза были потеряны, и «все были рады, если смогли добраться до берега реки» [Jung, 1896, S. 224–225].

Впрочем, авторы отмечали, что прусские войска старались держаться вместе. Так, автор истории Второго уланского полка писал, что остатки полка вместе с присоединившимся к нему Вторым прусским гусарским полком 28 ноября подошли к мостам через Березину, но вынуждены были ждать до утра 29 ноября. Переправа была настолько забита, а французские войска прорывались через реку топча обоз, что командир принял решение переправляться в одиночку или небольшими отрядами [Dziengel, 1858, S. 302–303]. Перестроиться остатки полка, состоявшие из тех, кто не был затоптан, скинут в реку или кто не замерз, смогли только на другом берегу. История гусарского полка «фон Цитен» свидетельствовала, что офицеры и солдаты перед переправой сгруппировались с остатками объединенного прусского уланского полка. «Наши гусары держались вместе, как преданные товарищи, и не бросали друг друга в этой ужасной рукопашной схватке», — писал автор, отмечая, что преодоление только 180 шагов до переправы заняло у полка 5 часов — «в давке кричащих, воющих людей, которые со всей яростью отчаяния пытались разорвать друг друга на части» [Ardenne, 1874, S. 340].

Прусский вспомогательный корпус

«...разразилась сильная гроза, сопровождавшаяся очень сильным ветром, который сломал толстое дерево, под которым сидел рядовой 3-й роты со своей женой. Дерево упало на солдата с такой силой, что, когда его вытащили из-под него, он был оглушен и умер несколько дней спустя» [цит. по: Conrady, 1857, S. 141], — начиналось описание похода в истории Шестого пехотного полка. Хотя это событие было менее драматичным, чем гроза при переправе через Неман, его также посчитали дурным знаком. Несмотря на меньшие потери, прусский вспомогательный корпус, действовавший в Курляндии, столкнулся с рядом проблем, схожих с теми, которые испытали на себе прусские войска, являвшиеся частью основных сил Великой армии, — холод, голод и французы.

Французы и их отношения с пруссаками были проблемой, часто появлявшейся на страницах полковых историй. Подчинение французским генералам пробуждало ненависть к старым врагам и оскорбляло национальные чувства [см.: Bagensky, 1842, S. 89–90]. В истории Шестого пехотного полка сохранился эпизод, случившийся 15 августа, когда состоялся парад в честь дня рождения Наполеона. Проводились военные игры, и самым опытным солдатам были вручены награды. Однако автор подчеркивал, что это вынужденное торжество не вызвало у пруссаков особой радости [см.: Conrady, 1857, S. 144].

Большое недовольство вызывали «жадные и неорганизованные» французские интенданты, из-за действий и бездействия которых прусские войска страдали от недостатка провианта и фуража [см.: Probst, 1829, S. 79]. Авторы писали, что прусским войскам выделялось меньше продовольствия, чем французам [см.: Conrady, 1857, S. 146 ; Beutner, 1889, S. 117]. Это обстоятельство не только подогревало недовольство, но и усиливало голод в этом «бедном и малонаселенном регионе» [цит. по: Bagensky, 1842, S. 91–92].

В то же время сохранились и примеры успешного решения продовольственной проблемы. В истории Первого пехотного полка отмечалось, что с 13 по 20 августа было захвачено такое количество кофе, что это обеспечило отсутствие дефицита на протяжении всей кампании. Офицерский корпус полка снабжал кофе своих товарищей, а в случае нехватки наличных офицеры играли в карты на кофейные зерна [см.: Oelsnitz, 1855, S. 639]. Однако это был скорее единичный случай удачи на фоне постоянного дефицита.

К зиме продовольственная проблема усугубилась. «Хлеб, который несли солдаты, окаменел от мороза, и есть его было трудно», — писал автор истории Кольбергского гренадерского полка, — «время и усталость редко позволяли нормально готовить. Варили суп из снега, хлеба и водки — обычную солдатскую еду» [Bagensky, 1842, S. 91–92]. «Прусские войска простаивали под Ригой, замерзая, без достаточного количества продовольствия. Им долго задерживали жалованье, и ситуация становилась невыносимой» [Beutner, 1889, S. 117], — подытожил ситуацию другой автор.

Холод стал второй постоянной темой описаний последнего этапа военной кампании в Курляндии. Полковые истории свидетельствовали о сильном морозе, что усугубляло тяжесть и без того нелегкой службы. Помимо холода и связанных с ним болезней и обморожений, было очень снежно, что мешало солдатам стоять в карауле, строить укрытия и пользоваться лошадьми [см.: Probst, 1829, S. 80 ; Bagensky, 1842, S. 84 ; Mach, 1843, S. 206 ; Oelsnitz, 1855, S. 651–652 ; Conrady, 1857, S. 149 ; Lippe-Weissenfeld, 1860, S. 93–94 ; Lossow, 1901, S. 376]. Однако, в отличие от основных сил Великой армии, страдавших от мороза без возможности найти достаточное количество теплой одежды, ситуация для пруссаков в Курляндии, по свидетельствам отдельных авторов, была более терпимой. Часть полковых историй донесла сведения о теплой одежде, овчине и мехах, имевшихся в распоряжении военных в результате централизованного распределения [см.: Bagensky, 1842, S. 89–90 ; Conrady, 1857, S. 147 ; Beutner, 1889, S. 118 ; Lossow, 1901, S. 376] и за счет реквизиций у мирного населения [см.: Tyszka, 1837, S. 287]. Однако даже те авторы, которые описывали эти раздачи теплой одежды, подчеркивали, что ее не хватало [см.: Conrady, 1857, S. 147].

В период отступления, начавшегося 20 декабря, именно холод вместе с преследованием казаков стал для прусских войск основной проблемой [см.: Probst, 1829, S. 80 ; Tyszka, 1837, S. 287 ; Bagensky, 1842, S. 93 ; Mach, 1843, S. 206 ; Busse, 1859, S. 5 ; Beutner, 1889, S. 118 ; Lossow, 1901, S. 376]. «При температуре, достигающей 24° по Цельсию, они шли по дорогам, покрытым толстым слоем снега, в основном ночью» [Bagensky, 1842, S. 91–92], — описывал этот марш автор истории Кольбергского гренадерского полка. «Чрезвычайно скользкая погода быстро портила копыта лошадей, а глубокий снег затруднял продвижение. Дороги были уже плохими, а продовольствия было мало» [Lippe-Weissenfeld, 1860, S. 96], — добавлял автор истории 2-го Силезского гусарского полка.

Однако ни холод, ни национальная обида на французов, ни трагедия отступления Великой армии по своему значению не могли сравниться с Таурогенской конвенцией. Для пруссаков, а затем и всех немцев, это соглашение, заключенное в конце декабря 1812 года, являлось той точкой, после которой закончилась власть Наполеона и началась история Освободительных войн. После новостей о гибели Великой армии появилась «надежда на освобождение и избавление от надменного и могущественного врага» [цит. по: Schoening, 1840, S. 214], и Таурогенская конвенция стала событием, сделавшим эти надежды реальностью. Авторы описывали ликование как простого народа [см.: Friccus, 1838, S. 2 ; Oelsnitz, 1855, S. 653 ; Leszczynski, 1863, S. 3 ; Beutner, 1889, S. 119], так и армии, которая к концу декабря оказалась в крайне затруднительном положении [см.: Conrady, 1857, S. 149–150].

«Генерал фон Йорк заключил на Пошерунской мельнице временное соглашение, оправданное обстоятельствами» [цит. по: Bagensky, 1842, S. 94]. Обстоятельства заключения Тауро-

генского соглашения в восприятии прусских военных сводились к двум основным факторам. Во-первых, большую роль сыграли действия французской стороны: «...забытый и брошенный поспешно отступающими французами, без вестей и приказов, он [Йорк] следовал за герцогом Тарентским [Макдональдом]» [цит. по: Fröbing, 1842, S. 23]. Другой автор отмечал, что «связь с маршалом Макдональдом прервалась 26 декабря, и с тех пор генерал фон Йорк не получал от него никаких приказов» [Oelsnitz, 1855, S. 652]. Один из авторов прямо заявлял, что Макдональд чуть не сдал Йорка русским [Lippe-Weissenfeld, 1860, S. 97]. Вторым фактором являлись действия русских войск: «Генерал Йорк оказывается остановленным русскими войсками, вырвавшимися вперед и преградившими ему путь» [цит. по: Fröbing, 1842, S. 23].

Прусские авторы рисовали ситуацию, в которой генерал Йорк был вынужден либо сражаться с бывшими союзниками, чтобы выполнить долг по отношению к ненавидимым французам, либо принять предложение русской стороны, от которой и шла инициатива, выйти из войны в нейтральном статусе и сохранить прусский корпус. Для всех авторов было очевидно, что Йорк принял верное решение, последствия которого положительно сказались на судьбе всей Германии. Вопрос о предательстве французов в данном случае считался менее важным, чем долг перед королем и Отечеством [см.: Fröbing, 1842, S. 23].

Заключение

«В то время как сотни тысяч французских солдат нашли свою могилу в России, небольшая прусская армия прекрасно сохранилась, обогатилась бесценным опытом и образовала сильное ядро, к которому по призыву короля присоединилось все способное носить оружие население, начавшее великую борьбу за свое освобождение» [Bagensky, 1842, S. 95], — спустя 30 лет подводил итоги Русской кампании 1812 года один из авторов полковых историй. Прусская армия действительно получила в походе бесценный опыт, тем более важный, что предыдущий военный опыт закончился для страны катастрофическим поражением при Йене и Ауэрштедте. Кроме того, Русская кампания для прусской армии являлась первой после военной реформы, проведенной под руководством генерала Г. фон Шарнхорста. Таким образом, опыт, полученный в рамках войны в России, действительно был важным показателем успешности проведенных военным министерством преобразований.

Авторы полковых историй, описывая действия прусской армии, отмечали, что она выполнила свой долг перед королем и страной. Своей доблестью и продемонстрированными в ходе военных действий навыками армия смогла восстановить честь, потерянную страной после военной катастрофы 1806–1807 годов. Тот факт, что большая часть прусский войск, особенно корпус под руководством генерала Йорка, смогла вернуться из России и сохранить свою боеспособность, а также начавшийся в немецких государствах в 1813 году национальный подъем, на долгие годы закрепили за Прусским королевством роль первой немецкой страны, освободившейся от французского господства.

Однако, помимо положительных аспектов, полковые истории сохранили и рассказы о лишениях, пережитых прусскими войсками в 1812 году. Наиболее ярким воспоминанием участников похода, отразившимся в полковых историях, была память о холоде и голоде. Если холод был проблемой, которую почти невозможно было решить, кроме как выдачей теплой одежды, то проблема голода для прусских военных усугублялась трудностями с организацией выдачи продовольствия и фуража. Большую роль играл и национальный фактор, ведь в организационных проблемах обвинялись вынужденные союзники — французы.

Русская кампания 1812 года воспринимается в прусской исторической памяти как неоднозначное время. С одной стороны, в отличие от Баварии или Вестфалии, военные потери Пруссии были не столь значительными, а подписанное Йорком Таурогенское соглашение было в большей степени символической победой. С другой стороны, за эти достижения прусской армии пришлось заплатить немалую цену. Однако положительные аспекты преобладали, поэтому в Пруссии, а позднее и в Германии, на протяжении всего долгого XIX века Русская кампания 1812 года оставалась временем, когда мечты об освобождении от наполеоновского господства сменились уверенностью, что это время скоро наступит.

Список источников

1. Даценко П. А. Образ России и русских в мемуарах немецких военнослужащих Великой армии 1812 года // Французский ежегодник. — 2013. — Т. 45. — С. 247–271.
2. Ростиславлева Н. В. Реконструкция войны 1812 года в историческом нарративе Карла фон Роттека (первая половина XIX века) // История и историческая память. — 2012. — № 6. — С. 20–30.
3. Сдвижков Д. А. 1812 год и общая память Священного союза // После грозы: 1812 год в исторической памяти России и Европы / под ред. Д. А. Сдвижкова. — М. : Кучково поле, 2015. — С. 209–236.
4. Ardenne A. Frhr. v. Geschichte des Zieten'schen Husaren-Regiments. — Berlin : Ernst Siegfried Mittler und Sohn, 1874. — 708 S.
5. Bagensky K. v. Geschichte des 9ten Infanterie-Regiments genannt Colbergsches. — Kolberg : Gedruckt bei C. H. Hof, 1842. — 269 S.
6. Beutner F. W. Die Königlich Preußische Garde-Artillerie, insbesondere Geschichte des 1. Garde-Feld-Artillerie-Regiments und des 2. Garde-Feld-Artillerie-Regiments. — Berlin : Ernst Siegfried Mittler und Sohn, 1889. — 426 S.
7. Bretsch I. Großgörschen. Zwischen Borodino und Waterloo. Die Zeit der Befreiungskriege // Napoleon: vor dem Fall — Großgörschen 1813 / Hrsg. von Maik Reichel. — Wettin-Löbejün : Stekovics, 2013. — S. 19–33.
8. Busse M. R. v. Geschichte des Königlich Preußischen Dreiundzwanzigsten Infanterie-Regiments. — Görlitz : in Kommission der Heynischen Buchhandlung, 1859. — 239 S.
9. Conrady E. v. Geschichte des Königlich Preußischen Sechsten Infanterie-Regiments von seiner Stiftung im Jahre 1773 bis zu Ende des Jahres 1856. Nach den im geheimen staats-archiv und in den Archiven des Königlich Kriegs-Ministerii, des Generalstabes und des Regimentes selbst enthaltenen quellen. — Glogau : Druck und Verlag von C. Flemming, 1857. — 376 S.
10. Dziengel J. D. v. Geschichte des königlichen Zweiten Ulanen-Regiments. — Potsdam : in Kommission der Riegelischen Buchhandlung, 1858. — 520 S.
11. Friccus K. F. Zur Geschichte der Errichtung der Landwehr in Ost- und Westpreußen u. in Litauen im Jahre 1813. — Berlin, 1838. — 26 S.
12. Fröbing G. C. Geschichte des 3ten Kurmärkischen Landwehr-Infanterie- und Kavallerie-Regiments, nebst einer vorausgeschickten historischen Darstellung der politischen Ereignisse, durch welche das Landwehr-Institut hervorgerufen und ins Leben getreten. — Frankfurt a. d. O. : Gustav Harnecker u. Comp., 1842. — 240 S.
13. Goltz G. F. G. Geschichte des Königlich Preußischen dritten Ulanen-Regiments. — Fürstenwalde : gedruckt bei L. Schubert, 1841. — 256 S.
14. Jung A. Geschichte des Königlich Preußischen Feldartillerie-Regiments Nr. 15 und seiner Stamm-Batterien. — Berlin : Ernst Siegfried Mittler und Sohn, 1896. — 455 S.
15. Kühn T. Der Befreiungskrieg. Russlands Feldzug nach Westen. — Neckenmarkt : United P. C., 2014. — 225 S.
16. Lange E. Geschichte der preußischen Landwehr seit Entstehung derselben bis zum Jahre 1856: historisch dargestellt. — Berlin : Allgemeine Deutsche Verlags-Anstalt, 1857. — 453 S.
17. Leszczyński R. v. 50 Jahre Geschichte des Königlich Preußischen 2. Posenschen Infanterie-Regiments Nr. 19. — Luxemburg : Druck und in Kommission bei Peter Brück, 1863. — 325 S.
18. Lippe-Weissenfeld E. z. Geschichte des Königl. Preuß. 6. Husaren-Regiments (ehedem 2. Schlesischen). — Berlin : Verlag der Königlich Geheimen Ober-Hofbuchdruckerei. R. Decker, 1860. — 398 S.
19. Lossow O. K. v. Geschichte des Grenadier-Regiments König Friedrich I. (4. Ostpreußischen) Nr. 5. Zweiter Band. Zeitraum von 1713 bis 1815. — Berlin : Ernst Siegfried Mittler und Sohn, 1901. — 520 S.
20. Mach A. v. Geschichte des Königlich Preußischen Zweiten Infanterie- genannt Königs-Regiments seit dessen Stiftung im Jahre 1677 bis zum 3. Dezember 1840. — Berlin ; Posen ; Bromberg : Ernst Siegfried Mittler und Sohn, 1843. — 527 S.
21. Oelsnitz A. C. v. d. Geschichte des Königlich Preußischen Ersten Infanterie-Regiments seit seiner Stiftung im Jahre 1619 bis zur Gegenwart. — Berlin : Ernst Siegfried Mittler und Sohn, 1855. — 960 S.
22. Probst F. P. v. Geschichte des Königlich-Preußischen Zweiten Dragoner-Regiments. — Schwedt : Gedruckt bei J. C. W. Jantzen, 1829. — 166 S.
23. Scharf C. Napoleons Russlandfeldzug 1812 // Sachsen, Preußen und Napoleon: Europa in der Zeit von 1806–1815 / Hrsg. von Uwe Niedersen. — Torgau : Förderverein Europa Begegnungen ; Dresden : Sächsische Landeszentrale für politische Bildung, 2013. — S. 180–187.
24. Schoening K. W. W. G. v. Geschichte des Königlich Preußischen Regiments Garde du Corps zu seinem hundertjährigen Jubelfeste. — Berlin : Unger, 1840. — 344 S.
25. Schoening K. W. W. G. v. Geschichte des königlich preußischen Fünften Husaren-Regiments, mit besonderer Rücksicht auf Gebhard Lebrecht von Blücher, den ehemaligen Chef dieses Regimentes. — Berlin : Verlag von C. G. Lüderitz, 1843. — 568 S.
26. Tyszka K. W. v. Geschichte des Königl. Preußischen 1sten Dragoner-Regiments, seit dessen Stiftung im Jahr 1717 bis auf gegenwärtige Zeit. — Rastenburg : gedruckt bei August Haberland, 1837. — 408 S.

References

1. Datsenko P. A. The image of Russia and Russians in the memoirs of German soldiers of the Grand Army of 1812. *Frantsuzskiy yezhegodnik* [French Yearbook]. 2013, vol. 45, pp. 247–271. (In Russian)
2. Rostislavleva N. V. Reconstruction of the War of 1812 in Karl von Rotteck's historical narrative (first half of the 19th century). *Istoriya i istoricheskaya pamyat'* [History and Historical Memory]. 2012, iss. 6, pp. 20–30. (In Russian)
3. Sdvizhkov D. A. 1812 and the common memory of the Holy Alliance. *Posle grozy: 1812 god v istoricheskoy pamyati Rossii i Yevropy* [After the Storm: 1812 in Russian and European Historical Memory] Ed. by D. A. Sdvizhkov. Moscow, Kuchkovo Pole Publ., 2015, pp. 209–236. (In Russian)
4. Ardenne A. Frhr. v. *Geschichte des Zieten'schen Husaren-Regiments*. Berlin, Ernst Siegfried Mittler and Sohn, 1874, 708 p. (In German)
5. Bagensky K. v. *Geschichte des 9ten Infanterie-Regiments genannt Colbergsches*. Kolberg, C. H. Hoft Publ., 1842, 269 p. (In German)
6. Beutner F. W. *Die Königlich Preußische Garde-Artillerie, insbesondere Geschichte des 1. Garde-Feld-Artillerie-Regiments und des 2. Garde-Feld-Artillerie-Regiments*. Berlin, Ernst Siegfried Mittler and Sohn, 1889, 426 p. (In German)
7. Bretsch I. Großgörschen. Between Borodino and Waterloo. The time of the Wars of Liberation.. *Napoleon: vor dem Fall*. Wettin-Löbejün, Stekovics, 2013, pp. 19–33. (In German)
8. Busse M. R. v. *Geschichte des Königlich Preußischen Dreiundzwanzigsten Infanterie-Regiments*. Görlitz, Heynische Buchhandlung, 1859, 239 p. (In German)
9. Conrady E. v. *Geschichte des Königlich Preußischen Sechsten Infanterie-Regiments von seiner Stiftung im Jahre 1773 bis zu Ende des Jahres 1856. Nach den im geheimen staats-archiv und in den Archiven des Königlich Kriegs-Ministerii, des Generalstabes und des Regimentes selbst enthaltenen quellen*. Glogau, C. Flemming Publ., 1857, 376 p. (In German)
10. Dziengel J. D. v. *Geschichte des königlichen Zweiten Ulanen-Regiments*. Potsdam, Riegelische Buchhandlung, 1858, 520 p. (In German)
11. Friccius K. F. *Zur Geschichte der Errichtung der Landwehr in Ost- und Westpreußen u. in Litauen im Jahre 1813*. Berlin, 1838, 26 p. (In German)
12. Fröbing G. C. *Geschichte des 3ten Kurmärkischen Landwehr-Infanterie- und Kavallerie-Regiments, nebst einer vorausgeschickten historischen Darstellung der politischen Ereignisse, durch welche das Landwehr-Institut hervorgerufen und ins Leben getreten*. Frankfurt an der Oder, Gustav Harnecker & Co., 1842, 240 p. (In German)
13. Goltz G. F. G. *Geschichte des Königlich Preußischen dritten Ulanen-Regiments*. Fürstenwalde, L. Schubert Publ., 1841, 256 p. (In German)
14. Jung A. *Geschichte des Königlich Preußischen Feldartillerie-Regiments Nr. 15 und seiner Stamm-Batterien*. Berlin, Ernst Siegfried Mittler and Sohn, 1896, 455 p. (In German)
15. Kühn T. *Der Befreiungskrieg. Russlands Feldzug nach Westen*. Neckenmarkt, United P. C., 2014, 225 p. (In German)
16. Lange E. *Geschichte der preußischen Landwehr seit Entstehung derselben bis zum Jahre 1856: historisch dargestellt*. Berlin, Allgemeine Deutsche Verlags-Anstalt, 1857, 453 p. (In German)
17. Leszczyński R. v. *50 Jahre Geschichte des Königlich Preußischen 2. Posenschen Infanterie-Regiments Nr. 19*. Luxembourg, Peter Brück Publ., 1863, 325 p. (In German)
18. Lippe-Weissenfeld E. z. *Geschichte des Königl. Preuß. 6. Husaren-Regiments (ehedem 2. Schlesischen)*. Berlin, Royal Secret Court Printing Office, R. Decker, 1860, 398 p. (In German)
19. Lossow O. K. v. *Geschichte des Grenadier-Regiments König Friedrich I. (4. Ostpreußischen) Nr. 5. Zweiter Band. Zeitraum von 1713 bis 1815*. Berlin, Ernst Siegfried Mittler and Sohn, 1901, 520 p. (In German)
20. Mach A. v. *Geschichte des Königlich Preußischen Zweiten Infanterie- genannt Königs-Regiments seit dessen Stiftung im Jahre 1677 bis zum 3. Dezember 1840*. Berlin; Posen; Bromberg, Ernst Siegfried Mittler and Sohn, 1843, 527 p. (In German)
21. Oelsnitz A. C. v. d. *Geschichte des Königlich Preußischen Ersten Infanterie-Regiments seit seiner Stiftung im Jahre 1619 bis zur Gegenwart*. Berlin, Ernst Siegfried Mittler and Sohn, 1855, 960 p. (In German)
22. Probst F. P. v. *Geschichte des Königlich-Preußischen Zweiten Dragoner-Regiments*. Schwedt, J. C. W. Jantzen Publ., 1829, 166 p. (In German)
23. Scharf C. Napoleon's Russian campaign of 1812. *Sachsen, Preußen und Napoleon: Europa in der Zeit von 1806–1815*. Hrsg. von Uwe Niedersen. Torgau, Förderverein Europa Begegnungen; Dresden, Sächsische Landeszentrale für politische Bildung, 2013, pp. 180–187. (In German)
24. Schoening K. W. W. G. v. *Geschichte des Königlich Preußischen Regiments Garde du Corps zu seinem hundertjährigen Jubelfeste*. Berlin, Unger, 1840, 344 p. (In German)

25. Schoening K. W. G. von. *Geschichte des königlich preußischen Fünften Husaren-Regiments, mit besonderer Rücksicht auf Gebhard Lebrecht von Blücher, den ehemaligen Chef dieses Regimentes*. Berlin, C. G. Lüderitz, 1843, 568 p. (In German)

26. Tyszka K. W. v. *Geschichte des Königl. Preußischen Isten Dragoner-Regiments, seit dessen Stiftung im Jahr 1717 bis auf gegenwärtige Zeit*. Rastenburg, August Haberland Publ., 1837, 408 p. (In German)

Информация об авторе

Голотина Алена Игоревна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и методики преподавания исторических дисциплин Уральского государственного педагогического университета.

Сфера научных интересов: история Германии, эпоха наполеоновских войн, историческая память.

Information about the author

Golotina Alena Igorevna — candidate of history, associate professor of the department of general history and methods of teaching historical disciplines, Ural State Pedagogical University.

Research interests: history of Germany, the era of the Napoleonic wars, memory studies.

Статья поступила в редакцию 25.08.2025; принята к публикации 17.11.2025.

The article was submitted 25.08.2025; accepted for publication 17.11.2025.